

*Посвящается Физзигу,
моему серому мохнатому коту,
который, несмотря на вечно разъяренный вид,
всегда ласков и терпелив*

Глава первая

Откинувшись на пассажирском сидении моего «бенца», Баррон всасывает через желтую трубочку остатки чая с молоком из бумажного стаканчика. Ноги в остроносых черных ботинках закинул на приборную панель. Волосы прилизаны, на носу черные очки с зеркальными стеклами — настоящий злодей.

На самом-то деле Баррон — младший федеральный агент. Он, конечно, еще только учится, но у него уже есть пропуск, удостоверение и все прочее.

Честно говоря, злодеем он от этого быть не переставал.

Нетерпеливо барабанив затянутыми в перчатку пальцами по рулю, я в сотый, наверное, раз подношу к глазам бинокль и оглядываю заколоченное здание в неблагополучном квартале Квинса.

— Да что она там делает? Минут сорок уже прошло.

— А сам как думаешь? Проворачивает темные делишки, чтобы Захарову не пришлось перчатки марать. У нее теперь подработка такая после школы.

— Он не стал бы подвергать ее опасности, — я стараюсь убедить скорее себя самого, чем Баррона.

Брат презрительно фыркает.

— Она теперь новобранец. И ей нужно всем доказать, что она справится. Захаров не смог бы оградить ее от опасности, даже если бы сильно постарался... но он стараться не будет. За ней наблюдают остальные мастера, ждут, когда она проявит слабость, облажается. Захаров это знает. И ты не забывай.

Вспоминаю двенадцатилетнюю Лилу с глазами в пол-лица и копной растрепанных золотистых волос. Вот она сидит высоко на ветке дерева и ест длинную лакричную конфету. Губы перемазаны красным. На ногах болтаются шлепанцы. Лила вырезает на коре свои инициалы, чтобы доказать двоюродному брату: она не врет, она действительно забралась так высоко, как ему в жизни не забраться.

— Вечно мальчишки не верят, что я их уделаю, — сказала она мне тогда. — Но в конце концов так и получается.

— Может, заметила нас и вышла через черный ход.

— Как же, заметила, — Баррон втягивает через соломинку воздух, и по салону громко разносится хлюпающий звук. — Мы же с тобой натуральные ниндзя.

— Кто-то зазнался.

Следить за человеком — занятие непростое, и, что бы там ни болтал брат, мы с ним еще не слишком-то хорошо это умеем. Мой куратор в ФБР, агент Юликова, настаивает, чтобы я тренировался вместе с Барроном — так я хоть чему-нибудь научусь и буду под присмотром, пока она не решит, как лучше пре-

поднести начальству занимательную новость: у нее в распоряжении оказался мастер трансформации с дурным характером и криминальным прошлым. И Баррону деваться некуда — приходится со мной возиться. Вроде как это ненадолго — пока не закончу Веллингфорд. Интересно, сможем ли мы столько друг друга вытерпеть.

То, чем мы заняты сейчас, Юликова вряд ли бы одобрила.

Баррон ухмыляется, сверкнув белоснежными, как игральные кости, зубами.

— Как думаешь, что сделала бы Лила Захарова, узнай она, что ты за ней шпионишь?

— Наверняка прибила бы, — ухмыляюсь я в ответ.

— Наверняка. И меня наверняка пристукнула бы с удовольствием, за то, что тебе помогаю.

— Наверняка ты это заслужил.

Баррон снова фыркает.

В последние несколько месяцев мне на блюдечке с голубой каемочкой преподнесли все, чего я желал, все, чего и не мечтал добиться: любимую девушку, власть, возможность работать непосредственно на Захарова — самого грозного человека из всех мне известных. И все это я послал к чертям. Наверное, работать на него было бы не так уж и сложно. Даже забавно. Если бы мне не было плевать на тех, кто пострадает от моей руки, я мог бы получить все.

Снова подношу к глазам бинокль и рассматриваю деревянную дверь с облупившейся краской, снизу будто погрызенную крысами.

И Лила была бы моей.

Моей. Когда рассуждаешь о любви, вечно выскакивают такие вот словечки — собственнические. Это само по себе предупреждение: вряд ли любовь способна кого-нибудь сделать лучше.

— Поверить не могу, что ты шантажом вынудил меня стать федералом, — Баррон со вздохом закидывает пустой стаканчик на заднее сидение. — И вот теперь я из сил выбиваюсь по пять дней в неделю вместе с остальными курсантами, а ты, пользуясь моими навыками, таскаешься тайком за своей девчонкой. Разве это честно?

— Во-первых, навыки твои весьма сомнительны. Во-вторых, Лила — не моя девчонка. В-третьих, я просто хотел убедиться, что с ней все в порядке, — объясняю я, по очереди загибая пальцы. — В-четвертых, уж кому о честности разглагольствовать — так это не тебе.

— Таскался бы в школе за ней, — Баррон будто и не слышит, что я ему говорю. — Давай-ка сворачиваться. Мне надо кое-кому позвонить. Потом перекусим. Я даже готов заплатить.

Я вздыхаю. В машине душно и пахнет несвежим кофе. Страшно хочется потянуться. Наверное, Баррон прав: пора сворачиваться. Не из-за какого-то там звонка, а из-за того, о чем он вслух не сказал. Не очень-то хорошо шпионить за девчонкой, которая тебе нравится.

Но только я неохотно тянусь повернуть ключ зажигания, как Лила, будто по команде, выходит на улицу. На ней черные сапоги до колена и серебристо-серый плащ. Она спускается по ступеням, быстрым жестом откидывает с глаз волосы, в ушах

у нее покачиваются серьги. От такой красоты у меня дух захватывает. Следом выходит парень в худи и мешковатых джинсах. Туго заплетенные косички напоминают рога антилопы. Кожа у него темнее, чем у меня. В карман он сует сложенную пополам пачку — видимо, деньги.

Лила носит шарф только в школе. И сейчас у нее на шее отчетливо видны темные шрамы, в которые втирали золу. Это такой обряд: вновь вступившему в клан Захаровых вырезают шрамы, он отрекается от старой жизни и начинает новую, порочную. Даже дочери Захарова нужно через это пройти.

Теперь она одна из них. Обратного пути нет.

— Ну что ж, готов поспорить, мы только что видели заключительную часть некоей весьма сомнительной сделки, — довольно сообщает Баррон. — Но давай представим, что все не то, чем кажется, и мы просто застукали Лилу за чем-то совершенно безобидным и в то же время постыдным.

— Постыдным? — я рассеянно оглядываюсь на него.

— Ну, например, они играли в игру — такую, где надо собирать разные карты. «Покемоны» там или «Мэджик газеринг». Допустим, к соревнованиям готовятся. И он, конечно, выиграл, раз она отстегнула ему столько денег.

— Да уж, смешно.

— А может, он ее подтягивает по латыни. Или они вместе раскрашивают фигурки. Или устраивают театр теней, — Баррон изгибает пальцы в перчатке, изображая утку.

Я стукаю его в плечо — легонько, просто чтобы заткнулся. Брат со смехом поправляет солнечные очки.

Парень с косичками, надвинув на глаза капюшон, переходит на другую сторону улицы, а Лила останавливается на углу и поднимает руку, чтобы поймать такси. Взметнувшиеся от порыва ветра золотистые волосы напоминают нимб.

Интересно, она сделала домашку на понедельник?

Интересно, сможет ли она когда-нибудь снова меня полюбить?

Интересно, сильно бы она разозлилась, если б узнала, что я за ней следил? Наверняка взбесилась бы.

В машину неожиданно врывается холодный октябрьский ветер и подбрасывает пустой стаканчик на заднем сидении.

— Вылезай, — Баррон с ухмылкой смотрит на меня, опираясь на дверцу машины. Я даже не заметил, как он выскочил. — Хватай свои пожитки и деньги для паркомата. Пойдем за ним, — он кивает в сторону удаляющегося парня с косичками.

— Ты же собирался кому-то там звонить? — содрогаясь от холода в своей зеленой футболке, подхватываю с заднего сидения кожаную куртку.

— Мне было скучно, а теперь интересно.

Когда утром я сказал, что хочу потренироваться за кем-нибудь следить, я назвал Лилу отчасти шутки ради, отчасти повинуюсь нездоровому желанию. Не думал, что Баррон согласится. Не думал, что нам удастся поймать тот момент, когда она выходит из квартиры и садится в таун-кар. И уж точно не думал

оказаться здесь и выяснить, чем именно она занимается после уроков.

Выбравшись из «бенца», захопываю дверцу.

В этом-то и проблема с искушением — чертовски трудно не поддаться.

— Мы с тобой почти как настоящие агенты, — говорит Баррон, пока мы, пригнув головы, бредем против ветра. — Знаешь, если мы застукаем твою девчонку на месте преступления, Юликова наверняка благодарность нам объявит или еще как-нибудь поощрит за успехи в учебе.

— Только вот мы этого делать не будем.

— Ты же вроде хотел, чтобы мы с тобой стали правильными и хорошими, — брат улыбается еще шире.

Ему нравится меня подкалывать, а я реагирую и тем самым еще больше его раззадориваю, но ничего поделать с собой не могу.

— Только не в том случае, если она пострадает, — я стараюсь придать голосу как можно более суровое выражение. — Она ни в коем случае не должна пострадать.

— Да понял я. Фу-фу, нельзя ее обижать. Но вот ты, братишка, сейчас шпионишь за ней и ее приятелем, какие у тебя оправдания?

— А мне никаких оправданий и не надо — шпионю и все тут.

Шпионить за кем-то — дело не из легких. Нельзя пялиться в затылок, нельзя подходить слишком близко, нужно изображать из себя обычного прохожего, мерзнущего на холодном октябрьском ветру

в Куинсе. И уж точно нельзя походить на агента-недоучку.

— Да брось ты волноваться, — утешает Баррон. — Если он нас и заметит, ему это даже польстит, пожалуй. Решит, что продвинулся по карьерной лестнице, раз за ним хвостом правительственные агенты таскаются.

У Баррона гораздо лучше получается изображать незаинтересованного прохожего. Ну да, терять-то ему нечего. Лила уже и так его ненавидит дальше некуда. К тому же, его этим делам обучают с утра до ночи, пока я зубрю уроки в Веллингфорде и готовлюсь поступать в мифический колледж.

И все равно обидно. С самого детства мы с ним постоянно соревновались. И я чаще всего проигрывал.

Мы младшие, поэтому Филип в выходные зависал с друзьями, а нам отец давал разные поручения или чему-нибудь нас обучал.

Например, совершенствовал наши умения лазать по карманам и вскрывать замки.

«Двое мальчишек — отличная команда, — говорил он. — Один тащит, а второй отвлекает внимание».

Мы с Барроном тренировались: сначала нужно было определить, где у папы бумажник (где оттопыривается задний карман или оттянут край пальто), потом вытащить. У меня получалось здорово, но у Баррона лучше.

Еще обрабатывали отвлекающие маневры: надо заплакать, спросить дорогу, отдать простачку четвертак, который он якобы потерял.

«Это как у фокусников, — говорил папа. — Нужно, чтобы я смотрел в сторону и не замечал того, что творится у меня под носом»,

Когда отцу надоело разоблачать наши жалкие попытки его ограбить, он приводил нас в сарай и демонстрировал свою коллекцию. Имелся у него такой старый металлический ящик для инструментов, на котором со всех сторон были врезаны замки. Всего семь замков. Ни Баррон, ни я так и не сумели его открыть.

Когда мы выучились вскрывать замки с помощью инструментов, папа стал учить нас открывать их заколкой-невидимкой, крючком от вешалки, а потом и палкой — любой подвернувшейся под руку штуковиной. Я надеялся, что у меня обнаружится талант в этой области, поскольку тогда думал, что не мастер, и считался в семье белой вороной. Верил, если выучусь вскрывать замки лучше всех, то смогу себя реабилитировать в их глазах.

Как же мерзко быть самым младшим.

«Вот откроешь мой супернадежный ящик, и мы с тобой тайком проберемся в кино на любой фильм», — говорил папа. Или: «Я там конфету спрятал». Или: «Если тебе так хочется эту видеоигру, просто открой ящик, и я тебе ее раздобуду». Не важно, что он там сулил. Важно лишь то, что мне удалось открыть только три замка, а Баррону — пять.

И вот мы с братом снова чему-то учимся. И снова я поневоле соревнуюсь с ним и поневоле расстраиваюсь, что отстаю. Юликова думает, что Баррон сможет сделать хорошую карьеру в ФБР. Сама мне

так сказала. А я ей сказал, что социопаты всегда очаровательны.

По-моему, она решила, что я шучу.

— Чему вас там еще учат в этой школе для агентов? — спрашиваю я.

Почему-то меня задевает, что Баррон так хорошо туда вписался. Ну и что, что брат притворяется? Тем лучше для него.

Наверное, задевает меня то, что притворяется он искуснее меня.

— Да ничем особенным, — со смехом отвечает Баррон, закатывая глаза. — Всякие простые штуки: как зеркалить человека, чтобы он начал тебе доверять. Ну, знаешь, надо делать то же, что и он. Честно говоря, работа под прикрытием очень напоминает работу мошенника. Есть свои приемы. Находишь жертву. Втираешься в доверие. Сдаешь ее.

Зеркалить. Простачок делает глоток, и ты тоже. Он улыбается, и ты тоже. Только надо действовать тонко, чтобы выглядело естественно. Хороший прием.

Мама меня ему обучила, когда мне было десять. «Знаешь, Кассель, как стать самым приятным собеседником? Нужно, чтоб ты напоминал простачку самого дорогого человека. А самый дорогой человек — это всегда ты сам, любимый».

— Только ты у нас теперь правильный и хороший, — смеюсь я.

Баррон мне вторит, словно я выдал самую смешную на свете шутку.

В голову снова лезут мысли о маме — не могу за нее не волноваться. С тех пор как ее поймали с по-

личным (она использовала свой дар мастера эмоций и работала над губернатором Пэттоном), мама скрывается. Пэттон в принципе мастеров ненавидел, а теперь он каждый вечер в новостях требует ее крови с такой яростью, что аж жилка пульсирует на лбу. Пусть мама прячется и дальше. Мне только очень хочется знать, где она.

— Баррон, как думаешь... — в сотый раз начинаю я разговор о ней — сейчас мы станем друг друга успокаивать, мол, у нее все в порядке, скоро она с нами свяжется.

Но тут парнишка с косичками заворачивает в бильярдную.

— Давай, — брат дергает головой, и мы ныряем в пекарню напротив.

Там очень здорово, потому что тепло. Баррон заказывает два кофе, и мы пьем его, глядя в окно на бильярдную.

— Ты когда-нибудь уже эту свою зацикленность на Лиле переживешь? — спрашивает брат. Нужно было самому начать разговор и выбрать тему. Любую другую тему. — Это у тебя как болезнь, честное слово. Когда ты на ней помешался? Лет в одиннадцать?

Я молчу.

— Ты потому за ней и потащился, а потом и за этим типом? Думаешь, недостойн ее, но надеешься застукать на чем-нибудь мерзком, ведь тогда получится, что вы все-таки друг друга стóбите.

— Все совсем не так, — шепчу я. — Когда любишь, все совсем не так.

— Да неужели? — фыркает Баррон.

Страшно хочется сказать ему какую-нибудь гадость или колкость, но я сдерживаюсь. Если не буду реагировать, может, он отстанет, а там я его отвлеку. Мы молча стоим у окна. Через несколько минут Баррон вздыхает.

— Мне снова скучно. Пойду все-таки позвоню.

— А если он выйдет? Как мне его...

— Сымпровизируй, — советует Баррон, изображая испуг.

Он выходит, звякнув колокольчиком на двери, и парень за стойкой кричит вслед свое обычное «спасибо-что-заглянули-приходите-еще».

Баррон принимается расхаживать по мостовой около пекарни, всюду флиртуя с невидимой собеседницей по телефону. Он так и сыплет названиями французских ресторанов, будто каждый вечер в таких ужинает. Прижал трубку к щеке и улыбается, словно искренне верит в тот романтический бред, который несет. Жалко, конечно, эту девчонку, но мне становится весело.

Я ему потом спуску не дам. Вряд ли получится держать язык за зубами — разве что проглотить этот самый язык целиком.

Заметив, как я с улыбкой пялюсь на него в окно, Баррон поворачивается ко мне спиной и отходит к ломбарду неподалеку. Когда он оглядывается через плечо, я комично поигрываю бровями.

Делать особо нечего, так что продолжаю караулить. Покупаю еще кофе, расстреливаю парочку зомби в телефоне.

И все равно вздрагиваю от неожиданности, когда парень с косичками выходит из бильярдной. Рядом